

ТЕАТР: МИНИПОРТРЕТЫ

Помолчим
о мужских

Заканчивается 1975 год, год женщины. В эти последние дни уходящего года коллектив Русского драматического театра им. Н. К. Крупской отмечает свое сорокалетие. Значительную часть его творческого коллектива составляют женщины. Поговорим о некоторых из них, о их лучших работах, о тех особенностях дарования, что составляют неповторимую творческую индивидуальность каждой актрисы. А о мужских сегодня можно и помолчать.

ЛЕГКО ли сыграть Пелагею в пьесе «Пелагея и Алька» по рассказам Ф. Абрамова? Вероятно, очень трудно. Она ведь не только великая труженица, гордящаяся своей профессией, но и степенная, более того — воровка. За какие-то полтора часа сценического времени надо прожить за нее самую трудную пору ее жизни, полную разочарования и горького прозрения.

Когда Мария Сергеевна Стряпкина выходит на сцену в роли Пелагеи, мы, зрители, замечаем в ее поведении скупой оттенок неблагодарности. Что-то тревожит ее. Мы еще не знаем причин ее тревоги, но уже понимаем, что этот тусклый, ушедший в себя взгляд — не только от усталости, но и от душевной боли.

Так Стряпкина начинает повествование о своей героине. Найдя и отработав внешние подробности — походку, манеру держаться, она, как бы оттолкнувшись от них, переходит к подробностям психологическим. Исполняя, от детали к детали, словно живописец мазками, выплывает характер Пелагеи, чтобы к концу спектакля показать ее нравственный крах, заставить нас и привзгаться к ней, и осудить ее.

Такова манера игры Стряпкиной. Некоторые считают ее актрисой прежде всего «бытовой», любящей сочные густые краски. Такое определение неточно и неполно. Да, Мария Сергеевна может и любит сыграть, скажем, купчиху из пьес Островского, да так, что невольно вспомнишь мустовских женщин. Однако всегда за внешней характеристикой видишь точный психологический рисунок.

Заменилась, например, ее Мария Михайловна из пьесы Погодина «Верность». Спектакль этот не стал событием, да и само представление грешило заданностью. Стряпкина же отыскала в своей героине черты яркого, своеобразного характера.

Из отношения Марии Сергеевны к работе можно было бы сказать: молодая. Она исполнит сдержанно-интересно, но не позволяет себе раскиснуть, сыграть в пестроту, приблизительно, будь то первый или пятидесятый спектакль. Не принимать случаи, чтобы она, как говорится, «отбарабанила» хоть одну фразу, не вкладывая в нее эмоций, как это допускают, к сожалению, иные актеры.

С именем Тамары Варнавских связан длинный ряд удачных спектаклей, определенных лицом театра за последние двадцать с лишним лет. Юлия Тугина из «Последней жертвы» Островского, Валька из «Иркутской истории» Арбузова, Маша из «Кремлевских курганов» По-

година, Федра из одноименной трагедии Расина, Елена из горьковских «Мещан», Надежда из его же «Варваров», Ева из «Божественной комедии» Штока — назову первое, что вспомнилось, всех же ролей были десятки.

Во время Второй декады киргизской литературы и искусства в Москве, посетив «Кремлевские курганы», известный критик Е. Сурков дал высказку «оку работе Варнавских в роли Машин». «Удивляется», — говорил он, — что актриса знает о своей героине очень много, гораздо больше, чем есть в тексте». Это характерная для Тамары Александровны черта. Она стремится проникнуть в глубину, представить себе предшествующую жизнь своей героини. Ей свойственна мягкость рисунка, лиричность, открытая эмоциональность.

В даровании Варнавских есть и другие краски. В ее недавних ролях появилась жесткость, порой эксцентричность рисунка. Такова тетья из «Старого Нового года» — резкими штрихами выписанный шарж на «старого работника культуры». Такова жена Геббельса из «Юнца» Шатрова — доведший образ нацистской фанатички — до последнего дышания преданной изуверским идеям Гитлера.

Что завтра сыграет Тамара Александровна? Трудно предугадать, потому что актриса не раз удалялась зрителей, открывая новые стороны своего дарования.

Марианну Куликову фрунзенские зрители узнали не так давно. Она работает здесь третий сезон, сыграла всего несколько ролей. Но запомнилась. Видимо, потому, что у нее есть своя тема или, точнее, своя стихия, в которой она чувствует себя особенно свободно. Это стихия многограсочного, по-вагнеровски искреннего зрелища, всегда захватывающего зрительный зал.

Уже в «Старом Новом году» появился зарисованный смех Куликовой, играющей жену Полууголова. В этой сравнительно небольшой роли она обратила на себя внимание той непередаваемой «изюминкой», что итальянцы называют «брио».

Следующие работы — Мадлен в «Платке Мольера» К. Гудкова и Миледи в «Трех мушкетерах» по А. Дюма подтвердили и расширили представление о возможностях актрисы. Куликова очень пластична, она легко и изящно движется, танцует, продолжает почти акробатические трюки. С блеском проводит она, например, сцену схватки с д'Артаньяном, демонстрируя завидную физическую подготовку.

Впрочем, как мне кажется, не в этом главная черта Куликовой как актрисы. Самое

длинное ее, скажем, героиней пьес Чехова или Шекспира? Будущее покажет.

Последняя роль Людмилы Пыховой настолько интересна, что нельзя не сказать о ней несколько слов. В «Энергичных людях» Шумкина она играет Веру Сергеевну, жену главного героя этой удивительной сатирической комедии. Роль очень трудная — Вера Сергеевна присутствует на сцене примерно в половине эпизодов, текста же ей отведено мало. Попробуйте-ка битый час выслушивать длинные монологи партнеров и при этом все время «жить в образе». Уметь наполнить паузы — едва ли не самое трудное в трудном актерском ремесле. Пыхова делает это с неистощимой изобретательностью. Для каждого партнера она другая. Меняются и тональности, манера держаться, мимика. Из этих подробностей постепенно проявляется образ — образ мещанин, стяжательницы, которая по ходу пьесы и разоблачить-то мужа решает не из какой-то там гражданственности, а из элементарной ревенности.

Зрелый профессионализм, заметный и в прежних работах Пыховой, складывается в этой последней роли особенно явно.

Когда же речь заходит о творческом молодечестве, о профессионализме говорить еще рано. Из молодых, пришедших за последнее время в коллектив театра, пожалуй, наиболее примечательны Гали Шатина и Тая Кошак. Обе они недавно окончили театральную студию, обе активно заняты в текущем репертуаре.

Шатина чаще всего играет девушек смежных, с открытым характером, добрых и веселых. Подкупает ее непосредственность, искренность, живой нрав. Самая серьезная ее работа — Лиза Брыжневна в спектакле «А зори здесь тихие...» по повести Б. Васильева. Гали играет прежде всего надежность этой простой и сильной натуре.

Шатина — способная актриса, сделавшая своими первыми работами серьезную заявку. Тревожит, пожалуй, одно — театр использует ее в ролях примерно одного плана, ориентируясь на ее внешние данные. Так ведь легко и зашатаваться...

Кошак — маленькая, худенькая, как говорится, и сам бог велел играть мальчишкой. В театральном мире актрис такого типа называют «Вальки». В «Двух кленах» она с увлечением создает образ Индустрию, сметливого, энергичного героя народных сказок. Можно предвидеть, что в этом плане юную артистку ждут удаи.

Впрочем, а спектакле «А зори здесь тихие...» она проявила себя в совсем ином качестве, сыграв Гали Четвертак — мексиканку, уловляющую девушку с легким ранимым душой. Стоит продолжать такого рода попытки.

Мы познакомились с двумя актрисами всех поколений — старшей, средней и молодой. Все они очень разные. Но всех их объединяет та любовь к театру, которая невозможна без полной самоотдачи, великому искусству Мельпомены. И каждая из них занимает свое особое место в коллективе, отмечая свое сорокалетие.

Д. КОЧНЕВ.

На снимках: (сверху вниз) М. СТЯПКИНА, Т. ВАРНАВСКИХ, М. КУЛИКОВА, Д. ПЫХОВА, Г. ШАТИНА и Т. КОШАК.

Фото В. Шахова.

характерное для нее — быстрая через край жизнерадостность, яркий темперамент. В каждую роль (я не упоминаю еще об изящной Копчине в «Двух кленах» Е. Шварц) она вносит свою увлеченность, ей весело быть на сцене, жить полнокровно, стремительно жизнью своих героинь. А что дальше? Уви-